

ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ И МИРА В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ОДНОПОЛЯРНОСТИ И МНОГОПОЛЯРНОСТИ

И. И. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Москва, Россия

Аннотация. Подвергнута критике устойчивость стратегии американского гегемонизма. Проанализированы мотивы и причины, являющиеся для США и панатлантического сообщества поводом реализовать стратегию сдерживания экономического развития Китая, препятствовать активному участию России в строительстве многополярного мира, объединяющего в своем составе мировое большинство, которое ставит своей задачей преобразование мировой ситуации на началах взаимозависимости, сотрудничества, соблюдения суверенитета государств – членов указанного объединения.

Ключевые слова: американский гегемонизм; национальный суверенитет; права человека.

THE PROBLEM OF WAR AND PEACE IN THE CONTEXT OF THE CONFRONTATION BETWEEN UNIPOLARITY AND MULTIPOLARITY

I. I. ANTONOVICH^a

^aIndependent researcher, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the critical analysis of the intentions of the American hegemonism globally and internationally. Case is taken of the processes of the containment of the social and economic development of China by the USA and the Pan Atlantic community of the strategy of inflicting long-term harm on Russia in particular its efforts to create a multi-polar world.

Keywords: American hegemony; national sovereignty; human rights.

Распад СССР и мировые катаклизмы, вызванные этим событием, широко освещены в мировой социологической, философской и исторической литературе. Период с последней четверти XX и до первой четверти XXI в. отмечен выдвижением на первый план процессов, возникающих вследствие мирового соперничества между США и Китаем. Развитие и модернизацию Китая, «глубинное государство» – США –

пытается затормозить, причем в первую очередь стремится «отторгнуть» (от англ. *decoupling*) Китай от России, прервать тесные двусторонние отношения стратегического партнерства, которые сложились между странами сегодня.

Формируя политику, ориентированную на создание однополярного мира, США усиленно используют миролюбивую риторику, говоря о том, что только

Образец цитирования:

Антонович ИИ. Проблема войны и мира в контексте противостояния однополярности и многополярности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025;2:21–28.
EDN: ULASUV

For citation:

Antonovich II. The problem of war and peace in the context of the confrontation between unipolarity and multipolarity. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;2: 21–28. Russian.
EDN: ULASUV

Автор:

Иван Иванович Антонович – доктор философских наук, академик Российской академии социальных наук, профессор; независимый исследователь.

Author:

Ivan I. Antonovich, doctor of science (philosophy), academician of the Russian Academy of Social Sciences, full professor; independent researcher.
iantonovich@mail.ru

их лидерство может обеспечить устойчивое сотрудничество и международный мир. Однако на всех этапах борьбы за однополярный мир США активно используют военный фактор: как путем «корректирования» суверенитета государств, так и путем наращивания инфраструктуры сетевого американского присутствия во всем мире, особенно в регионах, которые с точки зрения американских стратегов являются взрывоопасными.

В ходе реализации стратегии однополярности в конце XX – начале XXI в. США направляют особенно много усилий на дестабилизацию многонациональных государств, исходя из простой геополитической истины: чем больше государств возникнет на таких территориях, тем легче ими будет управлять.

Стратегия однополярности была запущена в мировой геополитический оборот президентом Дж. Бушем – старшим и легла в основу внешнеполитических ориентаций и сценариев США. Отметим, что объявления о реализации стратегии однополярности прозвучало в условиях, когда уже было известно, что СССР в качестве субъекта международных отношений больше не существует, о чем в декабре 1991 г. в Беловежской пуще три республики СССР – Россия, Украина и Белоруссия – подписали соглашение.

Дж. Буш – старший сообщил о том, что сейчас будет создаваться новый миропорядок под предводительством США. С этого времени американское руководство пытается реализовать однополярный мир: диктует ему правила, которые совсем не совпадают с существующей системой международных отношений, но выражают устремленность США подчинить своему влиянию и контролю все процессы международных отношений, ориентируясь на то, насколько они отвечают геостратегическим целям и интересам США.

Строительство многополярного мира в контексте указанной формулы началось с демонстрации силы – с агрессии США и их союзников по НАТО против Югославии, европейской страны, которая никому не угрожала, но которой хотели «преподнести урок за непослушание», за нежелание выделить из своего состава провинцию Косово, оказавшуюся в руках наркодилеров. Эта агрессия произвела негативное впечатление на международное сообщество и стала красноречивым сигналом для основных операциональных сценариев, посредством которых США намеревались реализовать новую систему международных отношений, получившую название «единоцентризм». Желание продемонстрировать силовое воздействие на мир не ограничилось агрессией в Югославии. США предприняли военные акции в Ираке, Сирии, Афганистане. Все они окончились провалом, а намерение США формировать миропорядок с помощью силовых приемов стало очевидным.

Вскоре, после объявления новой внешнеполитической стратегии, США неожиданно сами стали жертвой террористической атаки, совершенной на башни торгового центра в Нью-Йорке и Пентагон. Нападение показало уязвимость стратегии силового воздействия на мир: в ответ она порождает подобные стратегии. Паника, охватившая руководство США в первые недели после трагедии, сменилась требованием «отомстить», хотя, кому именно мстить, было неясно. Группа террористов, совершивших нападение на торговый центр, состояла из граждан Саудовской Аравии – в то время верной союзницы США.

В качестве объекта «отмщения» Дж. Буш – младший определил «ось зла» в мире – Иран, Ирак, Северную Корею, которые якобы были способны оказывать постоянное сопротивление международной стратегии и национальным интересам США и поэтому одновременно являлись угрозой национальной безопасности этой страны.

Факт того, что для реализации своих целей в изменившемся мире США использовали силовые сценарии, был воспринят в американском обществе неоднозначно. Первую «акцию возмездия» было решено направить на Ирак, руководство которого политическая элита США обвинила в многочисленных «грехах», главный из которых – разработка ядерного, химического и бактериологического оружия, что в действительности не подтвердилось. Накануне вторжения в Ирак издатель еженедельника в «Конгресс-холм» А. Эсле беседовал с авторитетным американским политологом Дж. Кеннаном, которому в то время было 98 лет. Дж. Кеннан предупредил: «История американской дипломатии показывает, что война всегда порождает свою собственную динамику, которая уводит инициаторов войны от тех первоначальных целей, которые они могли запланировать... <...> ...В случае вторжения в Ирак, – продолжил политолог, – мы будем знать, когда начинать действие, но мы никогда не будем знать, когда оно окончится»¹ (здесь и далее перевод наш. – И. А.). Слова Дж. Кеннана подтвердились в полном объеме. Дж. Керл, комментируя данные высказывания, сделал следующий вывод: «Наша нация настолько стала зависимой от идеи неизбежности войны, что считает ее источником идентичности и благополучия. Это настроение осталось жить даже тогда, когда наиболее очевидный Ирак исчез. Будущее встретилось со своим прошлым» [1, р. 94].

Хотя многие известные американские дипломаты (Д. Симпсон, П. Нитце, Дж. Керри) предупреждали об опасности постоянного усиления военного настроения, американские президенты во второй половине XX – начале XXI в. не стеснялись использовать военные возможности в полном объеме. Так действовал Р. Никсон, затянувший разрушительную войну

¹Eisele A. George Kennan speaks out against Iraq // The Hill. 2002. 26 Sept. P. 63.

во Вьетнаме, полагая, что американских вооруженных сил хватит для достижения победы. Подобное поведение было характерно и для президента Р. Рейгана, который объявил Россию «империей зла» и пугал созданием космических средств для ее уничтожения. Указанной политике следовали и в XXI в., она отравляла международную атмосферу в период нахождения у власти президента Дж. Буша – младшего. Кроме того, Б. Обама и Дж. Байден также продолжали использовать военные возможности страны.

Исследовательская служба Палаты представителей Конгресса США в начале XXI в. опубликовала доклад об американской военной стратегии, в котором утверждалось, что за период от антиколониальной революции, во главе которой стоял Дж. Вашингтон, и до прихода к власти Дж. Буша – младшего США создали более 250 ситуаций, чреватых военной опасностью (в среднем по одной-две в год) [1, p. 588].

Попытка президентов Дж. Кеннеди и Л. Джонсона сократить военные расходы окончилась провалом. Президент Б. Клинтон, желая восстановить добрые отношения с военными структурами, совершил агрессию против Югославии, после чего заявил, что рост военных расходов не может быть предельным, за исключением ситуаций резкого обострения международной обстановки. Параллельно его стратеги определяли международную ситуацию как постоянно усиливающееся напряжение, которое требовало растущей мобилизации вооруженных сил США и готовности к действию. В связи со сказанным задача обеспечения роста вооружения и, соответственно, роста ассигнований была характерным признаком внутренней политики президентов США во второй половине XX в. – первой четверти XXI в. Эта политика укрепления военных arsenалов США, формула о «дивиденде мира», объявленная Б. Клинтоном во время президентской кампании, оказалась предвыборным трюком.

Придя в Белый дом в 2000 г., после длительных споров о том, кто выиграл выборы, президент Дж. Буш – младший заявил: «США, милостью Божией, выиграли холодную войну» [1, p. 588]. Это стало формулой, в соответствии с которой военные американские стратеги оптимистически оценивали перспективу использования своих вооруженных сил во всех случаях обострения международной ситуации. Дж. Буша – младшего окружили воинственно настроенные члены его команды – Д. Чейни, Д. Рамсфельд, К. Пауэлл, которые убеждали президента, что «активная оборона» является лучшим средством демократизации США в мире. Американской публике разъяснялось, что окончание холодной войны принесет ей выгоду, измеряемую миллиардами долларов. Президент Б. Клинтон во время второго срока пребывания в Белом доме попробовал пойти другим путем. Он сказал, что миллиарды можно получить иначе, и объявил «дивиденд мира», который под-

разумевал сокращение военных расходов на 10 %. Граждане США очень быстро ощутили отдачу от такой позиции, однако Пентагон, безусловно, был недоволен. В итоге Б. Клинтону устроили несколько удачных провокаций, и, чтобы не злить военных, ему пришлось показать, что президент мыслит с ними в одном ключе: было предпринято несколько бомбардировок Ливии. Президент Дж. Буш – младший, сменивший Б. Клинтона в Белом доме, не считал нужным объяснять что-либо. Он объявил, что укрепление военно-стратегического арсенала США является константой американской внешней политики, предусматривающей «наказание» стран, не готовых жить по правилам США.

Таким образом, при всех акцентах на стремлении к миру, которые делала внешнеполитическая пропаганда США, американское общественное мнение легко приучали к обоснованию неизбежности использования вооруженных сил против всех, кто сопротивляется торжеству либерально-демократической модели США, а тот, кто осмеливается возражать против данной модели, не подходит для дружбы и союзничества [1, p. 424].

Так, формула «мир через силу» (*peace through power*) стала своеобразным прикрытием неудач во внутренней политике США в связи с военными авантюрами международных масштабов. Наиболее очевидным доказательством этому явилась развязанная НАТО под диктовку США война в Украине с целью нанести «непоправимый ущерб» России, как заявил Дж. Байден. Геополитическое обоснование военных действий панатлантистов в Украине не имеет аналогов в истории. Правда, в мировом общественном мнении возникла надежда, что вновь избранный президент Д. Трамп намерен изменить однозначную военную ориентацию своего предшественника и решить конфликт в Украине мирным путем. Указанное намерение хотя и подтверждается рядом публичных заявлений Трампа и его окружения, пока не подкреплено конкретными политическими шагами. Заметим, что Д. Трамп – первый американский президент (из его предшественников второй половины XX – первой четверти XXI в.), который заявил, что хочет мира во всем мире. Получится ли реализовать озвученный замысел и сделать Америку великой, предстоит еще увидеть.

Кроме угрозы военного вторжения, трудно найти другие свидетельства позитивного воздействия США, которое подтверждало бы претензии американских руководителей именно на мировое лидерство. Мир обратил внимание на официально объявленное 47-м президентом США намерение добиться успехов не военным путем. Остается дожидаться результатов.

На протяжении XXI в. американские стратеги активно сканировали мировую ситуацию с целью выяснить, кто из ведущих стран мира является противником, а кто может быть союзником. Первым

соперником был объявлен Китай, вторым, основываясь на американской внешнеполитической пропаганде и заявлениях руководства страны, выделена Россия. Мощная антикитайская пропаганда охватывает широкие круги американского населения. Влиятельный американский журнал «Foreign Affairs» («Международные дела»), освещающий внешнюю политику, писал по этому поводу: «Окончательная цель Китая состоит в том, чтобы ликвидировать американское господство (в мире. – И. А.) и заменить его новым порядком, в котором Пекин получит равную (с США. – И. А.) возможность устанавливать правила» [2, p. 110].

Напрасно искать в официальных политических заявлениях Китая намеки на то, что он действительно готовится отнять у США исполняемую роль и давать указания по реализации программы развития другим государствам мира. Однако США беспокоят не столько экономические успехи Китая, сколько тот факт, что показатели были достигнуты без политической трансформации страны (как рекомендовали американские формулы). Считается, что невозможность воздействовать на внутривнутриполитические процессы, происходящие в Китае, уже реальная угроза национальной безопасности США.

Спустя десятилетия после распада СССР журнал «Foreign Affairs» откровенно заявил: «Мы должны согласиться, что наше соперничество с Китаем должно быть гораздо более энергичным и готовить страну к нему необходимо более напряженно. Это не означает прямого выхода на линию конфронтации. Это означает, что надежды на мирную эволюцию Китая должны быть реализованы, заставляя Китай играть конструктивную роль в международной системе» [3, p. 19]. Однако указанной конструктивной роли в американских стратегических оценках не просматривается. Более того, косвенно признается, что определенная неготовность предпринять энергичные шаги в отношении Китая свидетельствует о неспособности США провести ряд реформ и мероприятий внутри страны с тем, чтобы укрепить их готовность к подобного рода соперничеству. В итоге неизменно и настойчиво информационные структуры США озвучивают идею, что главной угрозой современности является «синизация мира», что пан-американизация, которая была характерным процессом конца XX в. после распада СССР, не имеет шансов серьезным образом противостоять росту влияния Китая [3, p. 19].

Кроме господствующих политических установок, отражающих стремление к гегемонизму, есть в США мыслители и стратеги, которые предлагают посмотреть на мир с рациональных позиций необходимости сотрудничества. Одним из немногих трезвомыслящих деятелей США, который пытался изменить отношение правящих кругов американского общества к Китаю как источнику конкуренции и угроз,

был недавно ушедший из жизни Г. Киссинджер. К сожалению, с его смертью людей, понимающих необходимость геополитического конструктивного взаимодействия между Китаем и США, а также другими ведущими государствами мира, не наблюдается. Нормы поведения, которые современные политические деятели США предписывают Китаю, состоят в подчинении глобальных интересов основных мировых сил, включая и китайскую, задачам американского гегемонизма.

Сотрудничество на основе предпочтения американских политических и экономических интересов законодатели США объясняют тем, что международная система, созданная по итогам Второй мировой войны и контролирующая большинство в Совете Безопасности ООН пятью ведущими государствами мира (обладают правом вето), не может быть изменена. Следовательно, сегодня ситуация, во многом далеко выходящая за пределы американских интересов, должна решаться на основе силового воздействия на «непокорных». Отсюда и появление формулы «провалившееся государство» (*failed state*), в соответствии с которой американские политики «припечатывают» государства, уклоняющиеся от их диктата.

В XXI в. американо-российские отношения развиваются в сложных условиях «частого бряцания оружием» стратегов США. Хотя в течение последних 200 лет, в период, когда США медленно выходили на арену мировой политики, Россия никогда не воевала с ними, напротив, достаточно тесно сотрудничала в ходе Второй мировой войны. Общественное мнение России с достаточной симпатией и сочувствием воспринимало борьбу поселенцев Америки за суверенитет в конце XVIII – начале XIX в. Истории известны дружеские отношения между президентом США А. Линкольном и Александром Вторым (существует их переписка).

Интересно, что гражданская война в США, положившая конец рабству, по крайней мере на словах, исторически совпала с отменой крепостного права в России. Характерно, что и то и другое происходило в условиях острой политической борьбы. И в одном, и в другом государстве нашлись радикально настроенные группировки и граждане, которые «отблагодарили» лидеров своих стран актами насилия. Обратим внимание на историческую аналогию в политике двух государств после важнейших реформ (отмена рабства в США и крепостного права в России). Несмотря на то что США явились авторами первых демократических документов – Декларации независимости и Конституции, установивших поначалу достаточно хрупкий демократический режим, на территории США параллельно, внутри страны, начали активно действовать (и действуют сегодня) радикальные террористические группировки с целью разрушить этот конституционный режим, они постоянно атакуют государственную структуру

и личности. В Российской империи во второй половине XX в. также начались мощные движения, многократно усилившиеся на рубеже XIX и XX вв. Их задача была уничтожить царизм и имперские политические структуры. Правда, здесь все ограничилось только убийством отдельных политических деятелей, что сильно не повлияло на общественный строй, который складывался в России в канун революционных событий 1904 и 1917 гг.

После революционного переворота, ознаменовавшегося уничтожением царизма в России, сложились две модели мирового устройства, которые, олицетворяя либерально-демократическое и социалистическое начала, на протяжении XX в. непрерывно вели борьбу. Союзы и объединения, обеспечивающие устойчивое противостояние ведущих мировых сил, которые дважды были нарушены – во время Первой и Второй мировых войн, – прямо или косвенно выходят из этого противостояния. Оно продолжилось масштабно в период холодной войны 1945–1991 гг., когда судьба мира зависела от двух держав – США и СССР. Данному противостоянию серьезно помешала перестройка, которая хотя и обозначала в качестве цели «больше демократии – больше социализма», на самом деле ставила главной задачей (правда, не совсем определившейся) имитацию социал-демократического строя и попытку если не догнать и сравняться с Западом, то серьезно продвинуться по пути общества благосостояния и потребления, которое стало очевидным и устойчивым для ведущих буржуазно-демократических режимов в мире. В итоге западная политическая модель социал-демократического содержания была отвергнута Россией, и это, по нашему мнению, является главным итогом перестройки.

Сначала безразличное, а потом заинтересованное отношение Запада к программам перестройки на протяжении всего ее хода мотивировалось только одним – искать пути и способы ослабления Советского Союза. По окончании перестройки стратегия ослабления России, подчинения своему диктату и геополитическим целям суверенных государств, выросших из союзных республик Советского Союза, особенно на его западных территориях, стали определяющей геополитической целью панатлантистов. В многочисленных мемуарах, политических высказываниях и сценариях геополитических действий ясно определяется главная задача – продолжить ослабление России, с тем чтобы в конечном итоге на месте великого и мощного Советского Союза оказалась группа небольших и, по возможности, враждующих между собой государств [4; 5].

В панатлантическом сообществе после распада СССР началось интенсивное изучение социально-экономического и политического состояния России. Внимание было сосредоточено на ее способности к самостоятельной внешней политике, преодолению

трудностей после распада, к умению выстраивать новую систему международных отношений с другими государствами. Своеобразным итогом этого изучения, типичным для западной точки зрения, является большой доклад английского исследовательского института «Чатем-хаус» (*Chatham House*), названный «Русский вызов». Суть доклада заключается в том, что Россия по-прежнему остается «исторически другой» и главная задача Запада – сдерживание российского развития на всех направлениях: социально-экономическом, историческом, военно-политическом и даже культурном [6, р. 24–42].

Авторы доклада говорят, что, поскольку Россия отразила грузинскую агрессию в Абхазии в 2008 г., мобилизовала необходимые военные силы в условиях неготовности ее армии к напряженным действиям, а позже «легко интегрировала» Крым в состав России, это явилось свидетельством того, что в дальнейшем ее политика будет агрессивной, экспансионистской, следовательно, и противостояние ей становится важнейшей задачей англосаксонского сообщества наций. Идея сдерживания была новой, она во многом определяла внешнеполитическую стратегию западного мира на протяжении холодной войны.

Обращает на себя внимание то, что авторы доклада «Русский вызов» формулируют совершенно новую геополитическую задачу сдерживания англосаксонского общества уже в отношении России. Ранее данная формула, применяемая к СССР, а со второй декады XXI в. и к Китаю, предполагает дальнейшее усиление интеграционных и военно-экономических связей между англосаксонскими странами, а также активную направленность новой интеграции против интересов России. Для Англии данная ситуация означает долговременное союзничество с США. Оптимальным выражением новой стратегии явилась военно-политическая авантюра панатлантистов в Украине.

Задача «отторгнуть» Украину от России была определена для панатлантистов в полном объеме уже в момент распада СССР. На ее достижение были ориентированы многие стратегические планы данного сообщества. Особый акцент был сделан на включении в сферу западного влияния европейских союзных республик СССР и противопоставлении их России. Действуя в этом направлении, авторы упомянутого доклада выдвинули тезис об «абсолютной опасности» новой России по всем проблемным вопросам внутренней и внешней политики. Россия объявлялась опасной и в связи с тем, как ее руководство преодолевает трудности после распада, и в связи со стремлением к суверенитету, который страна намерена укреплять и защищать любым путем, и в связи с программами развития России, которые гарантируют самодостаточность и свободу действий. Облекая указанное в формулу «российский вызов»,

авторы определили основную угрозу западному обществу так: «Это вызов Западу в форме тех угроз, которые поднимающаяся Россия представляет для международного порядка, где, по мнению гегемонистов, должны были действовать только правила, написанные ими самими» [6, р. 53].

Характерно что, все исследования относительно того, как Россия неуклонно придерживается задачи укрепления суверенитета и самостоятельности во внешней политике, полны алармизма. Причем разделяют это настроение не только авторы упомянутого доклада, но и многочисленные ведущие аналитики, политические обозреватели США. Известный американский исследователь Р. Хаас видит огромную опасность для стабильности мирового порядка, в котором США рассчитывают сохранить положение гегемона, уже в самом факте объявления республиками после распада СССР о своем суверенитете. Р. Хаас больше всего обеспокоен тем, что Россия объединит вокруг себя эти молодые государства, создав новую версию СССР и восстановив традиции внешней политики и его решающее влияние на международную жизнь. Сам факт роста экономического могущества и независимости России и Китая ученый называет геополитическим риском: «Эти геополитические риски соприкасаются со сложными вызовами, которые наличествуют в современной эпохе, такие как: изменения климата, пандемия, распространение ядерного оружия» [7, р. 26]. Исходя из этого Р. Хаас настойчиво подчеркивает необходимость проведения в стране нужных внутренних реформ и сохранения роли ведущего государства мира. США не могут выжить как страна «подобная многим другим». Лидерство США, по убеждению исследователя, определило мир, каким он был последние 75 лет, что является важным и сегодня [7, р. 26]. Р. Хаас немного смягчает позицию авторов доклада института «Чатем-хаус», которые считают необходимым как сдерживание, так и серьезную трансформацию политических систем России и Китая. Ученый достаточно реалистичен, чтобы понимать трудности (даже невозможность) преобразования общественных систем в этих двух странах. В то же время он говорит о необходимости оказать влияние на их внешнеполитические инициативы таким образом, чтобы последние не противоречили геостратегическим интересам США. При этом данные интересы будут формулироваться, вырабатываться и предлагаться миру только США [7, р. 36].

Одной из ведущих стратегических инициатив США в рассматриваемом направлении, к реализации которых администрация президента Дж. Байдена подключила все страны – члены НАТО и Европейского союза (ЕС), явилась военная кампания в Украине. Ее цель – нанести ущерб России. К пропаганде и оправданию указанной кампании вынужденно, с сопротивлением, но все-таки присоединились все

ведущие руководители ЕС. Так, канцлер Германии О. Шольц назвал данное событие, т. е. помощь Запада Украине в ведении военных действий, свидетельством исторических перемен (*wichtige Zeitenwende*), высокопарно заявив, что Германия становится в этих условиях «гарантом европейской безопасности, четко выполняя соответствующие надежды своих союзников» (безусловно, имеются в виду США. – И. А.), посредничая между ЕС и всеми теми, кто предлагает многосторонние решения глобальных проблем. Данный путь, по его убеждению, единственный для Германии, чтобы успешно ориентироваться в геополитическом разломе современной эпохи. Во всех СМИ западной печати стали появляться многочисленные публикации со «страшилками» о неизбежности поражения России в этом военном конфликте [8; 9].

Характерно, что военную кампанию в Украине многие на Западе расценивают как выгодный бизнес, в первую очередь для США. Так, Р. Каган, известный политический обозреватель, отмечает, что судьба Украины предельно важна для американских интересов, так как намерение истратить миллиарды долларов на эту кампанию помогает всему американскому бизнесу. Настойчивость, с которой США поддерживают действия украинских военных, повышает авторитет США как надежного союзника. Нанесение стратегического поражения России является по существу долгосрочной целью западной стратегии (после распада СССР) [10, р. 39–45]. Хватка опытного бизнесмена проявляется и в требовании президента Д. Трампа к Украине компенсировать средства, вложенные в ведение военной операции на ее территории. Мощные оборонные предприятия в США поглотили большую часть выделяемых на войну в Украине средств, колоссально на этом заработав. Сам факт получения прибыли оказался столь привлекательным, что сегодня Д. Трамп требует от Украины еще одну компенсацию. Американские монополии продолжают обогащаться на украинских несчастьях, даже в условиях, когда президент США, возможно, вполне искренне заявляет о стремлении к миру. В любом случае в ходе войны и борьбы за мир «бизнес есть бизнес» – ничего личного. Такова логика англосаксонского предпринимательства в течение столетий.

Многие документы, опубликованные после распада СССР, неопровержимо свидетельствуют о том, что после выделения России в суверенное государство в стратегических ведомствах панатлантистов никогда не обсуждался вопрос учета ее интересов относительно национальной безопасности и неподвижности НАТО к ее границам. Задача формировалась уже: продолжать убеждать российское руководство в том, что данный факт не представляет угрозы для России. Понятно, что так долго продолжаться не могло. Российская реакция на сложившуюся ситуацию была жесткой и объективно необходимой. Высшим ее

выражением явилась операция по денацификации Украины, что было полной неожиданностью для правящих кругов Запада и говорит о серьезной недооценке ее лидерами и экономического, и военно-политического состояния России. Безразличие панатлантистов к озабоченности российского руководства вопросами защиты национальных интересов присутствует на протяжении XX и XXI вв. Их желание ослабить Россию в качестве стратегической задачи – неперенная составляющая всех планов Запада во второй половине XX – первой четверти XXI в.

Если Китай, ставший экономическим гигантом, вызывает серьезную угрозу как конкурент США и других западных государств на мировом рынке, то возможность России обрести прежнее влияние на мировой арене, самостоятельность на мировых рынках и в коренных вопросах международных отношений видится Западу как константная угроза хотя бы потому, что в основе американской стратегии лежит один тезис: не допустить на мировой арене появления государства или группы государств, способных стать конкурентами США. Слишком свежи воспоминания о роли сдерживания советской державой в 1941–1991 гг., в период наивысшего могущества СССР, американского гегемонизма, что было мощным фактором международного мира и стабильности.

Распад СССР был неверно понят стратегами гегемонизма: они не предполагали, что на евразийских просторах может возникнуть государство, способное вести самостоятельную политику и этим бросать вызов американскому господству. Нет сомнения, что если лидеры США модернизацию и стремление государств к самостоятельной и суверенной политике представляют возможными только как подчинение политических структур и стратегий этих стран американской демократии и основным разрабатываемым США задачам внешнеполитического и экономического характера, то есть все основания полагать, что борьба за гегемонизм не прекратится, а приобретет новые формы. Президент Д. Трамп не отменил стратегии американского гегемонизма. Он просто ставит новые задачи управления миром необходимой материальной поддержки, заставляя партнеров увеличивать расходы не только на военные цели, но и на участие в инициативах США.

Сегодня в американском обществоведении, академической среде, политических элитах срочно формируются новые, энергичные стратегии сохранения гегемонизма. В последнее время все чаще цитируется мнение английского историка Р. Пейна относительно Берлинского кризиса 1953 г., когда вооруженные силы СССР и США были близки к соприкосновению в развернувшемся споре по доступу к Западному Берлину: «Она (Америка. – И. А.) накрывает мир, как колосс. Ни одна другая сила в истории

мира не обладала столь различным и столь великим влиянием на другие нации. Уже сегодня ясно, что решения американского правительства определяют жизнь и жизнеобеспечение самых отдаленных народов» [11, p. 304].

Ничто в поведении новой администрации Белого дома не указывает на изменение данной установки. Распространение «страшилок» о хаосе дезинтеграции мировых систем в случае, если гегемонизм США будет ослаблен, запугивание мировой войной и крупными катаклизмами, если страны не будут противостоять американским геостратегическим ориентирам, остаются устойчивым содержанием внешнеполитической пропаганды США и других стран панатлантизма после смены руководства в Белом доме.

В лучшем случае панатлантические элиты в европейских странах признают, что если США сейчас и не готовы управлять новым миропорядком и даже не видят нового облика мира, то другой страны, кроме США, для этого нет, поэтому всем нужно смириться с их недостатками в надежде, что США когда-нибудь мобилизуются и совершат определяющее влияние на мир, поскольку больше этого сделать некому, и в условиях вакуума как альтернативы миру грозит или полное американское доминирование, или полный хаос [12, p. 155–250].

Можно признать, что американская общественная мысль, программы и сценарии политических действий лидеров влияют на политическую тактику и стратегию США, на ведущих политических деятелей, социально-экономические, политические правящие круги таким образом, что принуждают США подчинить миропорядок своим интересам. Это напоминает многие события и процессы человеческой истории, когда ведущие мировые державы, например Римская империя, понимали, что их охватывает кризис и грозит уход с мировой арены, предпринимали отчаянные попытки сохранить величие, что рано или поздно приводило к краху и крупным мировым катаклизмам.

Для объективных исследователей очевидно, что узкое представление о миропорядке в геостратегических концепциях США особо опасно для мирового равновесия и развития еще и потому, что речь идет о ядерной державе, четко проявившей свои стратегии, намерение навязывать миру силовые решения, не стеснясь прибегать к военному воздействию.

Неуспехи военного воздействия только разжигают американские желания и создают новые опасности – воздействие на мир с помощью ядерного оружия. Безусловно, ядерное столкновение означает колоссальное бедствие для мировой истории, так как ставит под угрозу существование человечества, поэтому сегодня борьба мировых сил вступает в особенно опасный период, когда ее обострение означает возможный трагический конец мировой истории.

Библиографические ссылки

1. Carroll J. *House of war: the Pentagon and the disastrous rise of American power*. Boston: Houghton Mifflin Company; 2006. XIV, 673 p.
2. Kasich J. Reclaiming global leadership: the right way to put America first. *Foreign Affairs*. 2018;97(4):102–112.
3. Beckley M. Delusions of détente: why America and China will be enduring rivals. *Foreign Affairs*. 2023;102(5):8–25.
4. Schuman M. The end of optimism in China: young people should learn to «eat bitterness», says Xi Jinping. *The Atlantic* [Internet]. 2023 June 29 [cited 2025 January 26]: [about 5 p.]. Available from: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2023/06/-china-pessimism-economy-censorship/674556/>.
5. Johnson I. Xi's age of stagnation: the great walling-off of China. *Foreign Affairs*. 2023;102(5):102–117.
6. Giles K, Hanson P, Lyne R, Nixey J, Sherr J, Wood A. *The Russian challenge*. London: Chatham House; 2015. XII, 58 p.
7. Haass R. The dangerous decade: a foreign policy for a world in crisis. *Foreign Affairs*. 2022;101(5):25–38.
8. Yudin G. Russia has reached a dead end. *The Atlantic* [Internet]. 2023 June 29 [updated 2023 June 30; cited 2025 January 26]: [about 3 p.]. Available from: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2023/06/prigozhin-coup-uprising-russia-putin/674546/>.
9. Bidder B. Russland wird sinken wie die «Titanic» [Russia will sink like the «Titanic»]. *Der Spiegel* [Internet]. 2022 May 13 [cited 2025 January 26]: [14 p.]. Available from: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/russland-sanktionen-russland-wird-so-langsam-sinken-wie-die-titanic-a-7cf48e0a-3b54-42e7-8df2-5c243330d583>. German.
10. Kagan R. A free world, if you can keep it: Ukraine and American interests. *Foreign Affairs*. 2023;102(1):39–53.
11. Steil B. *The Marshall plan: dawn of the cold war*. New York: Simon and Schuster; 2018. XIV, 608 p.
12. Haass R. *The world: a brief introduction*. New York: Penguin Press; 2020. XXII, 378 p.

Статья поступила в редколлегию 26.03.2025.
Received by editorial board 26.03.2025.